

Алексей Федорович Лосев (в монашестве – Андроник) — крупнейший русский философ XX века. Мы публикуем беседу с доктором филологических наук, профессором филфака МГУ Азой Алибековной Тахо-Годи, многолетней помощницей Алексея Федоровича и автором вышедшей в серии «ЖЗЛ» книги «Лосев».

– Вся образованная Россия знает Лосева как выдающегося философа и филолога советских лет, автора грандиозных исследований по античности. Однако личная, духовная жизнь Алексея Федоровича до последних лет оставалась загадкой...

– Да, конечно, все, что было связано с его верой – тщательно скрывалось. Умер Алексей Федорович 10 лет назад в день святых Кирилла и Мефодия, 24 мая, в год Тысячелетия Крещения Руси. Только потом стало возможным о чем-то говорить. Например, о том, что он тайно принял монашество.

– Неужели об этом никто не знал?

– Почти никто. Более того, недавно я получила книжечку от одного бывшего студента, слушателя Лосева. И там у него есть глава об Алексее Федоровиче, где автор пишет, что они были потрясены, когда вдруг узнали, что в советское время мог быть философ – философ Лосев. «Какой-то неофициальный философ, который вместе с тем студентам преподавал латинский язык. Который всегда ходил в черной шапочке. Иной раз сидит на ученых заседаниях, и впечатление, как будто он немножко подремывает. А потом вдруг как встанет и начнет говорить что-то очень серьезное. Или сидит Лосев и как-то так руку странно держит, вроде под пиджаком. И всегда он ходил с молодой дамой по фамилии Тахо-Годи. И как она трогательно его водила, потому что он плохо видел. Жалко было смотреть на этого философа, который, оказывается, вынужден был

преподавать латынь. Если бы мы тогда знали, кто это был!» А я потом этому бывшему студенту написала ответ: да, правильно, можно было подумать, что Лосев подремывает, но руку он так держал, потому что читал в это время Иисусову молитву и крестился. А читал он ее непрестанно. Бывало, он даже своим секретарям диктует, а сам держит там эту руку.

– Наверное, Лосев тяжело переживал диктатуру атеизма?

– А сами посудите. Он жадно слушал, как его друг, профессор Владимир Николаевич Щелкачев, рассказывал о своей поездке в Болгарию. Щелкачев попал туда как раз на праздник Кирилла и Мефодия и потом с энтузиазмом рассказывал Алексею Федоровичу, как праздновали этот день: как он зашел в болгарский храм и как, говорит, у них там хорошо, ведь там все по-нашему, православный обряд, церковнославянский язык. И Алексей Федорович, знаете, просто чуть не плакал, когда слышал, что где-то возможно вот такое народное празднование святых, что можно так открыто чтить святых, не боясь ничего.

– Но, может быть, живя в СССР, Алексей Федорович все-таки слишком уж осторожничал, опасаясь ходить в церковь?

– Что Вы! Это было ужасно, тяжело. Сейчас народ просто не представляет и не понимает, что тогда было. Мы были зажаты в кулак. Если узнают, что ты, преподаватель, ходил в церковь, то тебя выгонят... А как, между прочим, за университетскими следили, особенно на философском факультете! Какой был скандал уже в хрущевские годы с профессором Павлом Сергеевичем Поповым, философом из МГУ, когда донесли, что видели его в храме (он ведь тоже, верующий, боялся ходить).

В свое время, в 1931-м, он был арестован, но его немножко подержали, а потом выпустили, поскольку он был родственник Льва Николаевича Толстого по супруге – а для Толстых, как Вы знаете, правил и норм никаких не было. Вы вспомните особенно хрущевское наступление на Церковь – что Вы! – П.С. Попова тогда ведь заставили отречься, говорить, что он никакой не верующий, а он оправдывался, говорил, что ходил в храм якобы ради эстетики, живопись церковную посмотреть. Никто, конечно, этому не верил. Но вместе с тем боялись официально крестить детей. Потому что требовался обязательно паспорт, и могли сообщить на работу.

Я сама очень многого тогда не знала, от меня многое скрывалось. Например, я молодая была, меня посылали куда-то кому-то что-то отнести, помочь, какие-то продукты, деньги каким-то старичкам, старушкам. И только потом выяснилось, что это, оказывается, были родственники очень известного священника Михаила Шика (см. о нем «ТД», №19). Или вот: приезжала к нам какая-то женщина, жила у нас, на лето якобы квартиру стерегла. Оказывается, это была монахиня, она скрывалась, чтобы не попасться властям. Жила у нас, потому что ей деться некуда, ее нигде нельзя было прописать.

– И Алексею Федоровичу удавалось все это скрывать?

– Да. Никто не знал, даже я многого не знала. Он никогда ничего лишнего не показывал, ничего никому не навязывал, никаких бесед ни с кем не вел. Но люди, которые его очень близко знали, говорили и теперь говорят, что Алексей Федорович был как старец, потому что давал такие советы, что невозможно было не послушаться. Он всегда чувствовал человека. Все, кто с ним близко общался, можно сказать, духовно окармлились при нем. Но это было не безопасно. Все равно за нами следили. Не раз мне звонили по телефону и спрашивали: «Это что у вас там такое? У вас там семинар какой-то собирается? По каким дням? Можно ли прийти?» Я всегда говорила: «Помилуйте, какой семинар? Лосев занимается с аспирантами греческим и латинским языком...» Никого посторонних нельзя было пускать, только по списку аспирантов. И все равно, знаете, даже тогда, в конце 70-х – начале 80-х на него писали доносы.

– Даже до такого доходило?

– Да, и, между прочим, теперь это стало известно. Причем писал студент. Лосев работал в Педагогическом институте, до своей кончины в должности профессора занимался древними языками с аспирантами, а со студентами только до 66-го года, вел семинары по взаимосвязи античности, зарубежной и русской литератур. Попадались интересные люди на этих семинарах, были и диссиденты, которые сидели в лагерях.

– А в чем обвиняли Лосева авторы доносов?

– Что он идеологически вредно влияет на студентов. Там же парткомовцы всячески его унижали. Это только в последние годы его жизни изменилось отношение, да и то потому, что в администрации произошли изменения.

– Да к чему ж придраться-то можно было? Ведь Алексей Федорович просто преподавал латынь, античную литературу читал...

– Не знаю. Вот видите, люди бывают разные. Один, прослушав лекцию, говорил, что это не простой преподаватель, а за ним что-то скрывается. Другой доносивший, может быть, что-то пронюхал, а, может, просто получил двойку. Тот человек учился, между прочим, плохо, это известно.

– Долгие годы считалось, что было два Лосевых: до ареста в 20-х годах – Лосев-идеалист; начиная с 30-х, после тюрьмы и лагеря – совершенно другой Лосев, уже «на позициях марксизма»...

– Я всегда говорила о том, что Лосев – единый. Это видно из его работ по языкознанию. Ведь ему принадлежит знаменитая книга 1927 года «Философия имени». Как правильно говорит лингвист Людмила Гоготишвили (она занимается философией языка Булгакова, Флоренского, Лосева), смысл в поздних трудах Лосева остался прежним, зато изменилась ученая терминология – она соответствовала уровню международной науки, а не только советской.

Это же были годы 60-е, 70-е. Собственно Алексея Федоровича-то печататься допустили лишь со второй половины 50-х годов. За терминологией у Лосева нужно выискивать истинный смысл. В «Философии имени» он ни разу не упомянул Бога – и на это обращали внимание зарубежные философы. Но они понимали, что тогда нельзя было даже произнести это слово. Тем не менее, читая его книгу, они видели, о каком Абсолюте идет речь. И так же со знаменитой «Историей античной эстетики». Умный человек четко осознает, что писалась она в 60-е годы, завершалась буквально в конце 80-х.

Но и там просматривается самое главное – как язычество постепенно, в течение тысячелетия, стало уходить от грубого восприятия Божества, как оно переходило к представлению о едином Боге и как это сказывалось на всем развитии античности. Это исследование – не просто изучение языческого взгляда на мир и языческой философии, это замечательная история о том, как постепенно древний мир переходил к новой

жизни. В последнем-то томе, там как раз говорится о христианских авторах, об александрийском неоплатонизме, об Августине. И всегда Алексей Федорович пишет о том, как важно неоплатоническое Единое, которое не имеет имени, но все держит в своих руках. Лосев довел историю этих античных философов до эпохи христианства.

– А как Алексей Федорович относился к западным конфессиям?

– Лосев был и оставался строго православным человеком. В своей знаменитой книге «Очерки античного символизма и мифологии» он давал философско-богословскую критику католичества. А уж о протестантизме он вообще говорил: «Ну, эти их пасторы – ученые профессора, а не священники, любой может стать: надел галстук, белый воротничок, закончил теологический факультет, научился критике библейских текстов – и ты пастор». Но ведь не из этого складывается настоящая Церковь.

Как философ и богослов Лосев рассматривал знаменитую проблему католического *Filioque*. Также в связи с католичеством он писал о примерах безумных экстазов некоторых католических святых. Возьмите хотя бы его «Эстетику Возрождения». С серьезным опасением он относился к утверждениям о «непогрешимости» Римского папы. Алексей Федорович всегда подчеркивал, что этим католики утверждают не просто «непогрешимость» бытовую, но придают ей значение догматическое, вероучительное – *ex cathedra* – что особенно опасно. Ведь, получается, что папа Римский говорит, как наместник Христа на земле.

– Кто, на Ваш взгляд, особенно повлиял на формирование личности Алексея Федоровича?

– Алексей Федорович, будучи старшеклассником, уже читал Платона и Владимира Соловьева. Но дело в том, что самое большое влияние на него оказали семейная традиция, вера и храм. Имя Алексей он получил от деда Алексея Полякова (протоиерея, настоятеля храма Архангела Михаила), который сам крестил своего внука в честь святителя Алексия, митрополита Московского.

Потом, до последних дней жизни Алексей Федорович с трепетом и любовью вспоминал гимназический храм, посвященный Кириллу и Мефодию. Если Вы знаете, последнее, что

он написал, было «Слово о Кирилле и Мефодии». Он вспоминает этот храм как самое дорогое, что связано с родиной, Россией. Так что, я думаю, дело не только в Платоне и Соловьеве – просто была заложена глубокая духовная основа, православная.

– Аза Алибековна, арест и последующее заключение, наверное, тяжело повлияли на Алексея Федоровича? Как все же не сломались вера?

– Да, конечно, это было очень трудно. Но посмотрите, был конец 20-х годов: когда разгоняли монастыри, когда закрывали храмы, когда тысячи монахов и монахинь отправлялись в ссылки, когда мало кто мог спокойно умереть в своей постели. Именно в это время Алексей Федорович и Валентина Михайловна принимают тайный монашеский постриг, в самое трудное время – 29-й год. У меня есть маленькая фотография Алексея Федоровича того времени, где он в своей шапочке – очень глубокой, – которая, собственно говоря, является иноческой скуфейкой. В дальнейшем эти шапочки меняли свою форму и считались академическим атрибутом, хотя на самом деле это совсем не так. И Валентина Михайловна хранила у себя такую же бархатную монашескую шапочку.

Берегли они и другие знаки иночества. Так что, я думаю, у них была очень крепкая надежная вера, причем у Алексея Федоровича – осмысленная вера, глубочайшим образом обоснованная. И поэтому сбить его никто никогда не мог. Хотя... В письмах Алексея Федоровича, особенно лагерных, есть упоминания о том, как он горько плакал, находясь на Лубянке в одиночестве, но потом, оградив себя молитвой, преодолевал это...

– Принимал ли уже в советское время Алексей Федорович участие в Таинствах: исповедь и причастие?

– Да, но тайно. В церковь он не мог ходить. Он же ослеп. И исповедовался, и причащался тайно на дому. Он не мог открыто выйти. Другое дело, Владимир Николаевич Щелкачев (см. о нем «ТД», №№20,22), он всегда открыто ходил в церковь. Но он математик, он сделал великие открытия, применил математику на практике, например, на знаменитых ромашкинских месторождениях в Башкирии. Владимир Николаевич – почетный нефтяник, лауреат Сталинской премии. Поэтому ему было не страшно.

А Алексей Федорович находился в другом положении. Когда его арестовали по «церковному» процессу, ведь я читала потом его «Дело», и там говорится, что Лосев был «идеолог церковников». Поэтому власти на него наложили запрет заниматься философией. Да еще к тому же глаза потерял. Куда ему деваться, поэтому делалось все тихо, тайно. Даже от меня скрывали.

– А известно, кто из священнослужителей приезжал?

– У него были связи через вдову арестованного и погибшего священника Александра Воронкова. Тогда еще была жива Валентина Михайловна Лосева. Приезжали разные люди, знаю, что был покойный отец Василий, сам врач по специальности, настоятель храма Воскресения Словущего на Иерусалимском подворье Москвы. Он был довольно известен. Очень глубокий старец, скончался года два или три назад. Просто приходили, под видом каких-то давних друзей.

А что, Вы думаете последнее десятилетие было простое? Алексей Федорович скончался в 88-м году, накануне всех изменений. И впервые о Лосеве как о церковном человеке сказала я, на девятый день после его смерти. Как раз начались празднества Тысячелетия Крещения Руси. Вскоре Лосева стали печатать. Задумали целую серию русских философов и начали как раз с Лосева, самого позднего, последнего русского философа...

– А из современных Алексею Федоровичу духовных лиц кто-нибудь близок?

– Могу сказать, что в 20-е годы, когда можно еще было по монастырям ездить, общаться со священнослужителями, Алексей Федорович очень сблизился с архимандритом Давидом, который был настоятелем Андреевского скита на Афоне и основал Андреевское подворье в Петербурге. Это был его духовный отец. Затем отец Досифей, тоже был духовником Лосева. Из Зосимовой пустыни о.Мелхиседек. Затем владыка Феодор (Поздеевский), с которым Алексей Федорович на одних нарах спал и в пересылках был, и в лагерь отправлялся. Затем, конечно, нельзя обойти отца Павла Флоренского.

Вы, наверное, знаете, что отец Павел венчал Алексея Федоровича и Валентину Михайловну в Сергиевом Посаде в 22 году. Сохранилось даже письмо 1923 года к о.Павлу, где Алексей Федорович приглашает его приехать на годовщину такого события важного, семейного. Лосев, отправляясь в Троице-Сергиев или Хотьково, всегда бывал в доме Флоренских. Среди других знакомых: владыка Арсений (Жадановский), владыка Серафим (Звездинский), владыка Варфоломей (Ремов), большой знаток семитической филологии, с которым как раз Алексей Федорович и Валентина Михайловна этой

семитической филологией и занимались, изучали древнееврейский язык, псалмы Давида. Еще Новоселов Александр Иванович, замечательный духовный публицист и человек, который жил всеми проблемами Церкви. Потом известный математик-геометр Дмитрий Федорович Егоров, президент Московского математического общества: он был арестован после Алексея Федоровича по тому же делу.

– Жив ли кто-нибудь из этих людей?

– Никто. Самое интересное, что дети и внуки тех, кто пострадал тогда за веру, достойно продолжили или продолжают дело своих близких. Например, Алексей Федорович был близок с дедом отца Владимира Воробьева (они, собственно говоря, были одновременно арестованы), нынешнего ректора Свято-Тихоновского богословского института. Научная деятельность (отец Владимир – кандидат физико-математических наук) не помешала ему продолжить духовный путь своего деда. Или, например, с Алексеем Федоровичем был арестован Александр Борисович Салтыков. И вот его сын, отец Александр Салтыков, очень почитаемый батюшка, ученый, как вы знаете, искусствовед, прекрасный знаток древнерусской иконописи. Он вместе с отцом Владимиром служит в Никольском храме.

– Бывал ли Алексей Федорович в Университетской церкви?

– Постоянно посещал. Об этом он вспоминает в дневниках. Например, в книжке, которая называется «Мне было 19 лет», он пишет о том, какое это было счастье – прийти в храм, где все свое: и студенты, и профессора – все были соединены вместе.

– Аза Алибековна, известно, что у Пушкина важные моменты жизни были связаны с праздником Преображения. У Лосева таким праздником, наверное, был день Кирилла и Мефодия?

– Этих славянских святых Алексей Федорович, конечно же, почитал, любил. Он и умер-то в день их праздника, 24 мая. Но все же главным для него была Пасха, потому что это Воскресение Господне...

Александр Егорцев

Правмир.ру